

Charciarek, Andrzej

Фатические маркеры в переводном словаре

Opera Slavica. 2012, vol. 22, iss. Supplementum, pp. 36-43

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125616>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ФАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ПЕРЕВОДНОМ СЛОВАРЕ

Andrzej Charciarek (Katowice)

Абстракт:

В настоящей статье предметом размышления автора является наполнение переводных словарей, в которых практически не фиксируются метатекстовые операторы с фатической функцией. Эти элементы, характерные для повседневной языковой коммуникации, придают разговору соответствующую динамику, объединяют и сегментируют его, а кроме того, активизируют восприятие адресата. Автор на примере избранных фатических операторов показывает трудности взаимопереводимости в значительной степени десемантизированных единиц, описание которых заключается скорее в представлении их функции и контекста употребления, чем значения. Особенно подчеркивается сложность проблем, связанных как с внутри-, так и межязыковой субституцией метатекстовых выражений, обладающих фатической функцией, а также границами их взаимной функциональной эквивалентности.

Ключевые слова: фатический метатекст, лексикография, перевод, переводные словари, польский язык, русский язык, чешский язык

Phatic Metatext in Translation Dictionary

Abstract:

This article presents the author's views on contents of translation dictionaries which virtually do not include metatext operators with phatic function. These units are present in everyday communication, they add appropriate conversational dynamics, activate interlocutor's perception and are an essential element of conversation through its unification and segmentaion. The author provides selected examples of phatic operators and presents difficulties with mutual translation of units which are desemantised to a large extent and their description is a description of function and usage context rather than their meaning. The author emphasises in particular complexity of issues related to substitution of metatextual expressions with phatic function both within a language and between languages as well as beyond the boundaries of their mutual functional appropriacy.

Key words: phatic metatext, lexicography, translation, translation dictionaries, Polish, Russian, Czech

Анализ двуязычных словарей польско-русских (WSRP 2004, WSPR 2005) и польско-чешских (SCzP 2002, PČS 1999) ярко показывает, что определенные группы коммуникативных единиц в них не фиксируются.

В данной статье сосредоточим наше внимание лишь на одной группе – фатических маркеров.

Уже само название анализируемых единиц вызывает иногда споры лингвистов. Можно в этом убедиться, приводя термины, используемые в разных языках. Так, в польском – это *quasi-czasownikowe operatory kontaktu, sygnały fatyczne, operatory kontaktu, puste przerywniki o funkcji fatycznej, wtręty, operatory dyskursu aktywizujące kontakt*; в русском – *фатические маркеры, метатекстовые операторы, дискурсивные маркеры, контактные слова, вводные выражения (слова), слова-вставки, фатические сигналы, контактные коммуникемы*; в чешском – *vsuvky, modální částice, kontaktné poznámky, kontaktná slova, kontaktné výrazy, kontaktné imperativy, kontaktné signály*.

Следует отметить, что и названия с явно негативным оттенком *слова-паразиты* и *слова-сорняки* до сих пор появляются в научных исследованиях, касающихся прежде всего культуры речи. И, как можно догадаться, в словах-паразитах усматривается опасное явление для языковой нормы, свидетельствующее о бедности словарного запаса тех, кто их употребляет, а точнее – злоупотребляет ими. Таким образом, слова-паразиты нередко трактуются как явление, ненормативное на стилистическом уровне. Такой подход имеет свою традицию особенно в русском и чешском языкознании, в которых этот термин – кстати, французского происхождения – укоренился.

Достаточно вспомнить монографию *Современная разговорная речь и ее особенности* О. Б. Сиротининой, которая лексемы типа *значит, знаешь, понимаешь* причисляет к незначительной лексике. По ее мнению, *во* и *ну* – это лексические заполнители пауз во время спонтанного высказывания. Лингвистка даже уточняет, к кому можно отнести употребление этих частиц: они «встречаются в качестве заполнителей пауз у всех носителей разговорной речи, тогда как другие слова и частицы индивидуальны» (Сиротинина 1974: 71). Однако, несмотря на то, что исследовательница отмечает их ненужность и предлагает их пропуск, одновременно констатирует: «Но следует помнить, что спонтанность разговорной речи приводит к непринужденным паузам, которые обычно заполняются. У культурных людей [...] есть заполнители пауз, но их отличает разнообразие самих заполнителей, использование для этой цели нюансаторов, что маскирует основную роль таких слов в речи» (Сиротинина 1974: 79). Приведенные слова хорошо отражают тогдашний подход лингвистов к метатекстовым маркерам, которые якобы избыточны и не соответствуют языковой норме.

Со временем отношение к этому явлению стало изменяться, но до сих пор стилистически окрашенные названия *слова-паразиты* или *слова-сорняки* можно встретить в трудах по языку, в частности, по культуре речи. Удивительно, что в этих научных трудах метатекстовые маркеры исследу-

ются на одном уровне с однозначными языковыми сбойми, такими, как речевой штамп, немотивированное использование заимствованных слов, смешение стилей и т. п.

Однако, можно сказать, что это уже прошлое. Значительную роль в изменении подхода к метатекстовым маркерам сыграли лингвистические исследования устной речи, начавшиеся в 60–70 годы прошлого столетия, которые раскрыли их настоящую сущность и значение в речевом общении. Постепенно маркеры стали трактоваться как обыкновенное языковое явление, требующее объективного научного изучения, а их наукообразные названия постепенно устранились из научного дискурса.

В лингвистических трудах единицы этого типа воспринимались и воспринимаются обычно как совокупность различных вводных слов, не только фатических. Достаточно привести лишь некоторые из них, чтобы убедиться в их разнообразии и отличительных особенностях, напр.:

– *po prostu, że tak powiem, właściwie, rozumiesz, wiesz, proszę ja ciebie, właśnie, prawda, no wiesz;*

– *вообще-то, в общем, просто, знаешь ли, скажем так, вот, собственно говоря, как бы, на самом деле, значит, так сказать, короче;*

– *vlastně, že ano, víš, tedy, teda, prostě, jaksi, třeba, opravdu, jistě, zajisté, ovšem, nějak, v podstatě.*

Как видим, приведенные вводные слова состоят из разных по значению и функциям лексических единиц, которых объединяет лишь то, что некоторые говорящие ими злоупотребляют. Именно отсюда возникло довольно распространенное мнение о «любимых словах», которые являются плохой привычкой. И, конечно, с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться. Однако, дело в том, что функции вышеприведенных «любимых слов» в структуре диалога различны. Следовательно, анализ этих лексических единиц как совокупности не позволит описать их отдельные функции в речевом общении.

Примечательно, что в приводимых списках находим разнообразные языковые средства, но преимущественно лексические заполнители пауз. В исследованиях по речевому общению так принято называть элементы спонтанного высказывания, появляющиеся в речи говорящего, который затрудняется в выборе элементов, составляющих его высказывание. Подобные элементы называются лингвистами часто и иначе, напр. заполнители молчания, хезитации и т. п. Сомнения возникают, когда отдельные исследователи приводят, что и не удивительно, соответствующие примеры для иллюстрации своих положений. В таком случае складывается представление, что приведенные отдельными лингвистами заполнители пауз сильно отличаются друг от друга и не создают строго упорядоченную совокупность единиц. По сути дела, нередко среди хезитаций находим лексемы, которые

могут исполнять препаративную функцию, но следует иметь в виду, что она не является единственной.

Кажется, что это явление можно хорошо проследить, анализируя некоторые фатические маркеры в польском, русском и чешском языках (см. Charciarek 2010).

Маркеры *wiesz / viś / знаешь* чаще всего приводятся как наиболее типичные примеры слов, которыми говорящие злоупотребляют. Действительно, частотность использования этих маркеров в речевом общении очень высока и это, в частности, позволяет усматривать в них заполнители пауз. Однако, как показывает практика, не учитывается их фатическая функция, которой они обладают в речевой коммуникации. *Wiesz / viś / знаешь* – это в первую очередь фатические сигналы, которые, кроме привлечения и поддержания внимания собеседника, организуют и сегментируют высказывание. Так, они локализируются в любом месте высказывания, часто подчеркивая и объясняя те смыслы, которые, по мнению говорящего, имеют первостепенное значение. Эти особенности и отмечаются лингвистами, исследующими процесс речевого общения.

К. Ожуг, считая *wiesz* основным, наиболее частотным польским фатическим маркером, отмечает, что его помощью поддерживается контакт с собеседником и создается атмосфера эмоциональной близости (Ożóg 1990: 44).

Подобным образом описывает *знаешь* С. В. Андреева, которая видит в его употреблении подчеркивание эмоциональной близости коммуникантов и создание дружеской тональности общения (Андреева 2006: 135).

Характеризуя фатические сигналы, И. Коларжова констатирует, что «*upozornovací, upoutávací a kontaktní platnost bývá někdy přisuzována i tvarům 2. osoby některých sloves, zejména viś / víte, chápeš / chápete, rozumíš / rozumíte. Při jejich užití se mluvčí snaží ověřit si, zda adresát alespoň zaregistroval výpověď, popř. zda její význam a funkci správně interpretoval*» (Kolářová 1998: 216). Слова исследовательницы дают емкую характеристику функций не только чешского *viś*, но также его польских и русских эквивалентов.

Вторую группу фатических маркеров, которую часто приводят в качестве примера заполнителей пауз, составляют *rozumiesz* и его чешские и русские эквиваленты. Попутно отметим, что в чешском языке функционируют два синонимических маркера – *rozumíš* и *chápeš*, разница между которыми выявляется лишь в их наличии/отсутствии в отдельных речевых актах. Правда, этим маркерам лексикографы не посвящают отдельные словарные статьи, но все чаще включают в статьи соответствующих глаголов. Следует отметить, что в лексикографических и языковедческих трудах видится не только фатическая функция *rozumiesz / понимаешь / rozumíš (chápeš)*, но и другие прагматические функции.

Убедительно функции *понимаешь* характеризует И. Н. Борисова. По ее словам, это стимулирующий речевой поступок, функция которого сводится к активизации и удержанию внимания, а также запрашиванию и прогнозированию ответной реплики (Борисова 2007: 197). Аналогичные особенности можно также обнаружить у *rozumiesz* и *rozumíš (chápěš)*. Однако, как представляется, они не исчерпывают всех возможных функций *rozumiesz / понимаешь / rozumíš (chápěš)* в речевом общении. Во-первых, эти фатические сигналы, в силу своей семантической природы, контролируют процесс понимания передаваемого сообщения. Во-вторых, они провоцируют собеседника на быструю вербальную или невербальную реакцию относительно того, о чем говорится. Эта последняя черта особо проявляется в функционировании вопросительных маркеров *rozumiesz? / понимаешь? / rozumíš? (chápěš?)*, которые завершают высказывание. Именно это позволяет трактовать их аналогично вопросительным частицам, которые привлекают внимание собеседника и вместе с тем побуждают его к ответу.

Как можно заключить, характеристики *wiesz / viš / знаешь*, с одной стороны, и *rozumiesz / понимаешь / rozumíš (chápěš)*, с другой, не совпадают полностью. Мало того, они выявляют принципиальные различия в их функционировании в речевом общении. Следовательно, не кажется целесообразным анализировать их вместе, как это принято во многих лингвистических трудах.

Фатические маркеры, образованные от глаголов со значением *слуховой перцепции*, *tina (po)sluchaj*, *(no)слушай*, *poslyš (poslouchej, poslechni)*, не назывались и не называются языковедами ни словами-паразитами, ни заполнителями пауз. Они обладают следующими специфическими чертами:

- сильно привлекают внимание собеседника (фатическая функция);
- сигнализируют начало высказывания;
- позволяют плавно менять тему разговора;
- способны воздействовать на собеседника (воздействующая функция).

Эти «слуховые» маркеры описываются в трудах по лингвистике и фиксируются в одноязычных словарях (напр.: Awdiejew, Nabrajska 2006: 177; ISJP II 2000: 200, 622; Борисова 2007: 194–195; БТСРЯ 2000: 934, 1214; Kolářová 1999: 70; Ć – ŔaJ 2000: 285). Однако, даже новейшие большие польско-русские / русско-польские и польско-чешские / чешско-польские словари не фиксируют единиц *(po)sluchaj*, *(no)слушай*, *poslyš (poslouchej, poslechni)*. Находим в них лишь соответствующие глаголы *(po)sluchać / (no)слушать / slyšet (poslouchat, poslechnout)*, от которых образуются императивные формы этих фатических маркеров. Это тем более странно, что несмотря на их высокую частотность употребления в речевом общении, у носителей языка могут возникать проблемы с нерегулярным образованием некоторых форм, напр. *poslyš*.

Если «слуховые» маркеры, цель которых состоит в активизации внимания (конкретнее – чувства слуха) собеседника, общепризнаны и не вызывают сомнений, то уже «зрительные» сигналы редко замечаются исследователями. Может быть, некоторые лингвисты и лексикографы исходят из ложной предпосылки, что чувство зрения прямо не принимает участия в процессе общения. Конечно, ведущие элементы в этом процессе – говорение и слушание, однако это не исключает использования языковых средств, относящихся к зрительным органам. В отличие от вышеприведенных фатических маркеров, *(po)patrz*, *(no)smotri* и *(po)divej (se)* составляют совокупность сигналов, выполняющих, в первую очередь, *первичные семантические* функции. Следовательно, их фатическая функция не является ведущей, так как они в меньшей степени, по сравнению с другими маркерами, десемантизировались. В частности, благодаря этому *(po)patrz*, *(no)smotri* и *(po)divej (se)* сохранили большую иллюкативную силу и экспрессивность. Отличительными чертами этих фатических сигналов являются также инициальная позиция в высказывании, которое, как правило, приобретает форму умозаключения, обоснования или суждения.

Поскольку в центре нашего внимания находится место фатических маркеров в переводном словаре, следует уделить внимание вопросу их взаимопереводимости. «Зрительные» маркеры служат хорошей иллюстрацией этому явлению. Казалось бы, что в случае *(po)patrz*, *(no)smotri* и *(po)divej (se)* установление переводных эквивалентов не создает особенных трудностей – ведь их семантика подсказывает постановку между ними знак равенства. Однако, это далеко не так. Приступая к анализу отдельных высказываний, которые предваряются анализируемыми «зрительными» маркерами, обнаруживаем существенные различия в плане их функционирования. В отличие от русских и чешских, польские «зрительные» маркеры не могут заменять «слуховых» относительно конкретных речевых актов: совета, предложения, рекомендации, предостережения. Иными словами, они не могут предшествовать побудительным речевым актам. Польский фатический сигнал *(po)patrz* употребляется исключительно в мотивирующих и уточняющих контекстах, напоминающих функционирование маркера *wyobraż sobie*. Аналогично ему, *(po)patrz* предопределяет часто неожиданную информацию, передаваемую, как правило, в эмоциональной форме. Таким образом, характеристики польского *(po)patrz* отличны от его русских и чешских маркеров, и это имеет принципиальное значение для определения их взаимной переводимости. Так, в установлении переводных эквивалентов следует учитывать не только семантический аспект, но и функциональный. Как подчеркивает Дж. Кэтфорд, «для того, чтобы существовала переводческая эквивалентность, необходимо, чтобы как исходный, так и конечный тексты были бы соотносимы с функцио-

нально релевантными признаками данной ситуации» (Catford 1965: 94). Именно ситуация общения подсказывает адекватный вариант перевода и делает возможным установить правильные пары подлинник – эквивалент. Таким образом, в случае перевода польско-чешского или польско-русского «слуховой» маркер необязательно будет стоять против «слухового» маркера; в контексте сказанного выше возможен и вариант «слуховой» маркер – «зрительный» маркер. Это еще одно доказательство того, что только подробный, селективный анализ отдельных фатических маркеров в диалоговом тексте позволит выявить их настоящие функциональные характеристики.

Трудности перевода подобных лексических единиц в двуязычном словаре осложняют еще и другие факторы, напр. синонимия одноязычных «зрительных» маркеров. Это хорошо видно на примере польско-чешского перевода. Если по левую сторону словаря находим польские маркеры (*po*)-*patrz* и *zobacz*, то по правую их чешских эквивалентов будет больше: (*po*)*dívej* (*se*), *koukej* (*se*), *koukni* (*se*), *hele*, *vida*. Это показывает, что задача лексикографа состоит не только в установлении эквивалентов перевода, но и в определении отношений между фатическими элементами отдельно в рамках каждого из языков. Поскольку внутриязыковых абсолютных синонимов практически не существует, необходимо установить различия между маркерами, образованными от глаголов (*po*)*dívát* (*se*), *koukat* (*kouknout*), *vidět* и *hledět*. На стилистическом уровне можно напр. заметить, что *koukej* (*se*), *koukni* (*se*) принадлежат к разговорной речи; исходный глагол *koukat* (*kouknout*) фиксируется *Словарем нелитературного чешского языка* (SNČ 2009: 208). Так, маркеры *koukej* (*se*), *koukni* (*se*) стилистически окрашенные, экспрессивные. Вследствие этого, среди чешских возможных эквивалентов (*po*)*patrz* и *zobacz* следует усматривать в первую очередь остальные «зрительные» чешские маркеры, а прежде всего нейтральное в стилистическом плане (*po*)*dívej* (*se*), учитывая также его высокую частотность употребления в речевом общении. Кроме того, небезразличны для лексикографического анализа чешские удвоенные фатические маркеры, в которых *hele* находится всегда в препозиции по отношению к элементам (*po*)*dívej* (*se*), *koukej* (*se*) (в том числе и к «слуховым» *poslyš*, *poslouchej*). Это еще одно доказательство того, что в каждом языке вырабатывается своеобразная система разнообразных фатических маркеров, первичная семантика которых якобы отодвигается на второй план. Смысл ‘смотри’ заменяется смыслами ‘обрати внимание’, ‘слушай меня’. В этой связи можно говорить об их демантизации, которую подтверждает и взаимная субституция слуховых и зрительных маркеров. Ограничения этой субституции, напр. в польском языке, свидетельствуют о том, что процессы утраты лексичес-

кого значения определенными единицами идут в отдельных языках разными темпами.

Целесообразно, чтобы вся эта информация была лексикографу известна к моменту начала работы над двуязычным словарем и им учтена.

Фатические маркеры – это не лишний балласт, а наоборот – неотъемлемый инструмент в процессе речевого общения, правильное использование которого свидетельствует о коммуникативной компетенции говорящего. Все это обуславливает их место в переводном словаре.

Литература:

- AWDIEJEW, A. – HABRAJSKA, G.: *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. T. 2, Łask 2006.
- CATFORD, J. A.: *A Linguistic Theory of Translation*. London 1965.
- Čeština – řeč a jazyk. M. Čechová a kolektiv. Praha 2000.
- CHARCIAREK, A.: *Polskie wyrażenia metatekstowe i ich odpowiedniki czeskie i rosyjskie*. Katowice 2010.
- HUGO, J. (a kol.): *Slovník nespisovné češtiny*. Praha 2009.
- Inny słownik języka polskiego*. T. 2. Red. M. Bańko. Warszawa 2000.
- JELÍNEK, M.: *Parazitní slova*. In: *Český jazyk: Časopis pro metodiku českého jazyka*. Roč. 8, č. 10. Praha 1958, s. 369–377.
- KOLÁŘOVÁ, I.: *Některé významy a funkce slov „podívat (se)“ a „koukat“ / „kouknout se“*. In: *Naše řeč* 82, č. 2. Praha 1999, s. 65–71.
- KOLÁŘOVÁ, I.: *Výrazy „víš“, „chápeš“, „rozumíš“ v souvislých textech*. In: *Český jazyk a literatura*. Praha 1998, s. 216–221.
- OLIVA, K. (a kol.): *Polsko-český slovník*. T. 1, Praha 1999.
- OLIVA, K. (a kol.): *Polsko-český slovník*. T. 2, Praha 1999.
- OŻÓG, K.: *Leksykon metatekstowy współczesnej polszczyzny mówionej. Wybrane zagadnienia*. Kraków 1990.
- SIATKOWSKI, J. – BASAJ, M.: *Słownik czesko-polski*. Warszawa 2002.
- Wielki słownik polsko-rosyjski*. Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa 2005.
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*. Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa 2004.
- АНДРЕЕВА, С. В.: *Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции*. Москва 2006.
- Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург 2000.
- БОРИСОВА, И. Н.: *Русский разговорный диалог: структура и динамика*. Москва 2007.
- СИРОТИНИНА, О. Б.: *Современная разговорная речь и ее особенности*. Москва 1974.